НАТАЛИ СПИРИТ

НИТКА КРАСНЫХ БУСИН

Рассказ с метафизической оптикой

Натали Спирит
Нитка красных бусин

https://litres.ru/74994912
SelfPub; 2026

Аннотация

Три женщины. Три эпохи. Один колодец в старой усадьбе Рябиновки.

Их связывает красная нитка с тремя коралловыми бусинами, привычка заправлять прядь за левое ухо и тихий голос внутри, который то просит: «Помилуй», то требует: «Скажи».

Рассказ о том, что сила не равна жёсткости, а мягкость не равна слабости. И о том, что некоторые уроки возвращаются, пока мы не научимся их держать.

Содержание

ГЛАВА 1. КЛЮЧИ 4
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Нитка красных бусин

ГЛАВА 1. КЛЮЧИ

Рябиновка, 1658 год

Ключи на поясе у Аграфены Тимофеевны звенели так, что хозяйку слышали за три двора и успевали «сделать лицо».

«Сделать лицо» в Рябиновке умел каждый: достаточно было стереть с него всякое выражение, чтобы оно стало пустым, и хозяйке не к чему было придраться.

Аграфена шла через двор прямо, не глядя по сторонам. Тёмно-зелёный летник, жемчуг по вороту, три нитки красного коралла на белой шее. Бусины лежали на ней, как ягоды рябины на первом снегу. Больше красного и живого в ней не осталось.

Бусы ей надел муж в день свадьбы. Его не стало семь лет назад.

После его смерти любой мог отобрать вотчину: шестьдесят дворов, три мельницы, рыбные пруды. Хватило бы одного слуха: баба не справляется. Аграфена не давала повода. Она давно решила: доброта — словно щель в заборе, а в щель обязательно кто-нибудь полезет.

Мать говорила ей: «Добрую бабу съедят, Груня. Злую хоть побоятся».

Мать съели. А дочь урок выучила, но пересолила: страх

сделал её куда злее, чем требовалось для защиты.

В то утро у колодца под старой рябиной поймали Дуньку. Пятнадцать лет, худая, платок набок. В переднике у неё нашли горсть пшена из господской кладовой.

— Для матери, — сказала Дунька и замолчала.

Больше слов у неё не было.

— У воров мать всегда при смерти, — ответила Аграфена.

Старый ключник Фёдорович кашлянул:

— Матушка, на этот раз правда. Я мимо их избы ходил.

Аграфена заправила за левое ухо выбившуюся прядь. Эта привычка была у неё с девичества: когда внутри что-то шевелилось, пальцы сами тянулись к уху.

Потом она замолчала на три удара сердца.

Молчала она не для того, чтобы подумать. Решение уже было принято. Но пока она молчала, внутри всякий раз поднимался голос: тихий, детский, упрямый. Он говорил: «Помилуй».

Она слышала его так ясно, будто кто-то шептал на ухо. Он стучался, просил.

На третьем ударе голос затих. Казалось, он отступил, но не исчез — просто остался ждать где-то внутри.

— Пятнадцать плетей, — сказала Аграфена. — И в дальнюю деревню, на скотный двор. Чтоб неповадно было.

Ключи звякнули. Дворня опустила глаза. Лица оставались пустыми.

Дунькина мать умерла той же осенью. Фёдорович доложил

об этом тихо, глядя в сторону. Аграфена кивнула и велела подать квасу. Квас в тот день был кислее обычного. Она никому об этом не сказала.

Рябиновка при ней жила хорошо. Мельницы мололи, долгов не было, соседи кланялись за версту. Никто не смел сказать, что баба не справляется. Говорили другое: «Ведьма». Но шёпотом, и её это устраивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.